

Психогенные факторы политического и правового поведения человека

Противоречивая природа человека продолжает оставаться загадкой для исследователей. Над раскрытием ее тайн билось не одно поколение ученых, но большая часть из них так и осталась не разгаданной. Для современной научной мысли особый интерес представляют вопросы, связанные с изучением психогенных факторов общественного поведения человека.

По мнению Д. Франкла, введя понятие дуализма, З. Фрейд создает величественную теорию вечного конфликта между Эросом и Танатосом, инстинктами самосохранения и смерти, антагонизм которых абсолютно реален в психологической и политической жизни человека¹. Общество стремится культивировать агрессивное влечение, являющееся главным представителем Танатоса, тем самым заставляя его служить Эросу. С этой позиции, по Фрейду, следует определять значение культурного развития, которое должно продемонстрировать на примере человечества борьбу между инстинктом жизни и инстинктом смерти, в антагонизме которых сущность и содержание жизни вообще. Феномен правовой жизни также во многом объясняется их взаимодействием и противоборством. Инстинкт смерти, заявляя о себе во влечении к агрессии и деструкции, обращается против внешнего мира, вынуждая общество выстраивать систему своей защиты, важными компонентами которой становятся политические и правовые институты.

Фрейдовское учение о движущих силах жизни развил Э. Фромм, который выделил две противоположные фундаментальные тенденции развития человека (биофилию и некрофилию). Он был убежден, что есть в небольшом количестве люди, полностью обращенные к мертвому, и также существуют индивиды, ориентированные только на биофильные ценности. Первыми являются душевнобольные, а вторыми – святые. Здесь вряд ли можно согласиться с Фроммом, поскольку природа не терпит ничего чистого. «Чистый» биофил быстро бы погиб, т.к. не смог бы в силу своей природы бороться с кем-либо и отстаивать собственные интересы из-за абсолютной любви ко всем живым существам. Но и «чистому» некрофилу вряд ли понравилось бы находиться среди живых, и он сделал бы все, чтобы быстро уйти в мир мертвых. Поэтому можно утверждать лишь о доминировании одной из тенденций (некрофильной или биофильной) в развитии личности, которая определяет ее отношение к жизни и принципы общественного поведения.

Фрейд признавал инстинкты жизни и смерти первичными потенциальностями человека и относил их к обычным составляющим нормальной жизни. Фромм, придерживаясь противоположной позиции, считал инстинкт смерти лишь следствием такой жизни человека, в которой отсутствуют условия для развития биофилии. Думается, что в этом вопросе прав все-таки Фрейд, иначе бы человек как биологический вид не выжил бы без фундаментальной тенденции к деструктивному,

¹ См.: Франкл Д. Незнечданное Я. М., 1998.

которую он сумел культивировать и поставить на службу Эросу. Без Танатоса человек остался бы в лучшем случае псевдобытным существом, находящимся постоянно на одном и том же уровне своего биологического и социального развития. И если здесь воспользоваться библейским сюжетом для образного сравнения, то Адам и Ева не пошли бы без Танатоса на греховный поступок. Ведь у них были все условия только для биофильного развития. Соответственно, им не пришлось бы быть изгнанными из рая и стать нашими прародителями.

Господствующая тенденция развития человека (некрофилия или биофилия) во многом определяет его мировоззрение, отношение к окружающему миру, систему нравственных, политических и правовых ценностей. Для многих людей некрофилия является общим ориентированием для их жизнедеятельности. Фромм признавал ее родственной фрейдовскому анально-садистскому характеру и инстинкту смерти. Такими людьми движет поклонение силе, садизм, влечение к мертвому и грязному, потребность убивать, желание превращать органическое в неорганическое, подходить к жизни механически, как если бы живые личности были вещами¹. Они боятся жизни, поскольку ее стремительному потоку чужды застывшие социальные формы, которые они могли бы легко контролировать как несложные механические устройства. Каждый из этих признаков выражается по-разному у индивидов в зависимости от ряда внешних и внутренних факторов. Это зависит, например, от того, насколько подавлена биофилия, до какой степени осознаются и рационализируются субъектом его некрофильные проявления, каким образом деструктивные внешние силы воздействуют на него.

Некрофилов можно переориентировать на биофильные ценности, что весьма успешно делал А.С. Макаренко, разработавший соответствующие социальные технологии. В «Педагогической поэме» он рассказывает о конфликтной ситуации, которую преодолел, сломив в жесткой форме волю некрофильно ориентированных молодых людей, попавших в колонию за бандитизм. Этот конфликт стал их «точкой возврата» к биофильным ценностям. Они подчинились яростной воле педагога, почувствовав его огромную внутреннюю силу. Макаренко детально описывает случившееся, подмечая интересные психологические моменты. «В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз. Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял ее и снова надел. Я вероятно, еще бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал: «Простите, Антон Семенович». Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня – я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей. Бурун что-то спешил поправить в костюме. Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати: «Или всем немедленно отправляться в лес, на работу,

¹ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 35.

или убираться из колонии к чертовой матери! И вышел из спальни»¹. Результатом конфликта стало то, что колонисты подчинились воспитателю, и он, воспользовавшись этим, сумел направить их развитие в биофильном направлении. Много позже Макаренко писал с большим удовольствием, что Задоров может пойти на любой подвиг, если к нему его призовет жизнь. Но, если бы на месте этого педагога, интуитивно выбравшего правильный вектор воспитания, был другой человек, не обладавший таким мощным биофильным потенциалом, то молодые люди продолжали бы некрофильно развиваться, оставаясь социально опасными и постепенно деградируя до животного уровня.

Для некрофила характерна установка на силу. Можно даже сказать, что он прямо-таки влюблен в силу. Для него все люди поделены на тех, кто имеет возможность убивать, и на тех, кто такую возможность не имеет. Он восхищается убивающими, которые вызывают у него также страх, и презирает тех, кого убивают. Восемнадцатилетний Задоров, направленный в колонию за вооруженный грабеж, в тот момент, когда его избивал Макаренко, неожиданно для себя понял, что тот относится к людям, которые в гневе могут и убить. Поэтому молодой человек испытал перед педагогом настоящий ужас, переросший затем в восхищение и любовь. Одна воспитательница, выразившая свое возмущение избиением колониста, с удивлением сказала Макаренко: «Самое неприятное то, что ведь ребята о вашем подвиге рассказывают с упоением. Они в вас даже готовы влюбиться, и первый Задоров. Что это такое? Я не понимаю. Что это, привычка к рабству?»². Это не столько привычка, сколько некрофильное восхищение могуществом и властью личности, которая, по мнению колонистов, обладает способностью и готовностью убивать. И в то же время это еще плохо осознаваемое колонистами чувство, что в этой жизни есть человек, который к тебе не равнодушен и заботится о тебе, пусть даже и таким варварским способом. Можно сказать вполне двусмысленно, что Макаренко «достучался» до сердец этих молодых людей.

Некрофил пытается жестко структурировать социальный мир по иерархическому принципу. Все, кто «слабее» его, исходя из своего социального статуса, должны ему беспрекословно подчиняться. Соответственно, тем, кто сильнее его, некрофил уже полностью покоряется сам. Поэтому он любит иерархически «жестко» организованные и четко структурированные социальные силы. Многие из них восхищаются военно-бюрократической системой, которая, во-первых, позволяет лишать жизни на «законных» основаниях, во-вторых, дает возможность превращать людей в «вещи» – послушных его воли «антропороботов» и строить отношения на механистических принципах порядка и единообразия. Макаренко успешно использовал любовь некрофильно ориентированных индивидов к военизированным, иерархически жестко структурированным социальным отношениям. Жизнь его воспитанников была устроена по военному образцу. Ежедневно после работы они, несмотря на усталость, по часу или два занимались военной подготовкой. Постоянно проводились военные игры, в процессе которых колонистам нравилось красиво и методически правильно производить наступления на отдельные

¹ Макаренко А.С. Педагогическая поэма / Собрание сочинений в 4 томах. М., 1987. Т. 1. С. 160-161.

² Там же. С. 164.

крестьянские хаты, «увенчивая их атакой в штыки и паникой, которая охватывала впечатлительные крестьянские души».

Фромм заметил, что субъект с доминированием некрофильной тенденции развития чувствует влечение ко всему мертвому: трупу, нечистотам и грязи. Некрофил любит говорить о болезнях и похоронах. Он очарован смертью и разрушением. В «Педагогической поэме» Макаренко рассказывает о подобных явлениях в его колонии с некоторой долей черного юмора. Педагог отмечал, что колонисты к человеческим останкам относились с искренним интересом и без всякого страха. Более того, они, разыскав в лесу обглоданные лисицами черепа, надевали их на палки и приносили в колонию с целью напугать своих воспитательниц.

После многочисленных проб и ошибок Макаренко сумел интуитивно найти верный, хотя и болезненный, способ биофильного «выправления» деструктивно ориентированных колонистов, подчинив некрофильные интенции сознания колонистов биофильным ценностям. Это ему давалось крайне нелегко, поскольку процесс переориентирования на биофильные ценности требовал огромного психического напряжения. Был даже момент, когда он, достигнув предельного истощения своих душевных сил, предпринял попытку суицида. Его тогда спасли воспитанники. Они вырвали из рук Макаренко револьвер в тот момент, когда тот из-за череды педагогических неудач и нервного потрясения намеревался застрелиться.

Некрофилы не признают естественные права человека за таковые, но могут педантично следовать нормам позитивного права или другим каким-либо внешним правилам. Они привержены «закону и порядку», понимаемому механистически. Характерным является одно наблюдение Ф.М. Достоевского, который сам побывав в остроге, отмечал, что каторжане являются чрезвычайными формалистами. И какими бы они не были буйными на воле, они все равно подчиняются неписаным правилам и законам каторги.

Именно некрофильно ориентированные индивиды являются социально-психологической базой бюрократии, сковывающей жизнь чрезмерным количеством различных административно-правовых норм. Все жизненные процессы они стремятся затормозить и придать им четкие застывшие формы, над которыми можно властвовать. Субъектов жизни им необходимо превратить в некие механизмы, четко следующие их инструкциям. Они активно выступают за смертную казнь, которую желательно проводить публично, и за усиление тяжести административных и уголовных наказаний. Все, что угрожает закону и порядку (как они его понимают), представляется им дьявольско-нигилистическим вторжением в высшие ценности. Они готовы умирать и убивать за то, что называют «законом и порядком».

Русский мыслитель К.Н. Леонтьев был некрофильно-ориентированным человеком, сумевший рационализировать свою деструктивную направленность. Его мировоззрение носило охранительный характер. Философ неоднократно писал о своей великой страсти к порядку: «важнее для меня именно законченность форм и хоть какой-нибудь да порядок, и уже не предписанный, а самими, наконец-то, выжитый. Боже, да у нас именно важнее всего хоть какой-нибудь да свой, наконец, порядок! В том заключалась надежда и, так сказать, отдых: хоть что-нибудь, наконец, построенное, а не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор

и сор, из которого вот уже двести лет все ничего не выходит»¹. Для Леонтьева в качестве законного и священного права выступает насилие над человеком, который должен уметь подчиниться с любовью и страхом: «Где это законное, священное право насилия над волей нашей ослабло и в сознании самих принуждающих и в сердцах принуждаемых, там, где утратились одинаково и уменье смело властвовать и уменье подчиниться с любовью и страхом, там уже не будет ни силы, ни жизни долгой, ни прочного, векового, порядка»². Философ призывал к государственному сближению с восточными странами и политической экспансии на Ближний Восток с целью превращения России в новый центр христианского мира, надеясь тем самым свернуть ее с пути давно назревшей либерализации политических и правовых отношений внутри общества.

Некрофильно ориентированный гражданин выступает за механизацию и консервацию политических и правовых отношений в обществе потому, что это позволит обеспечить полный контроль и жесткое управление социума. Он готов поддержать любые усилия государства в этом направлении, но будет активно противодействовать любым либеральным нововведениям, идущим вразрез со «старыми порядками». Для него важно господствовать над другими, при этом уничтожая все динамичное и живое. В современных условиях хорошо подходят для этого бюрократические методы и принципы управления. Бюрократа наполняет большой страх перед динамичной, инновационной жизнью, которая в силу своей природы часто неупорядочена и плохо поддается контролю. К.Н. Леонтьев во имя целостности бюрократических форм готов скорее признать полезность мошенников и негодяев, которые вполне безвредны для исторически устаревших политических и правовых институтов, чем честных, но свободных людей, пытающихся сделать либеральными институты государственной власти. Ему принадлежат следующие строки: «Хорошие люди нередко бывают хуже худых. Личная честность, вполне свободная, самоопределяющая нравственность могут лично же и нравиться, и внушать уважение, но в этих непрочных вещах нет ничего политического, организующего. Очень хорошие люди иногда ужасно вредят государству, если политическое воспитание их ложно, а Чичиков и городничие Гоголя несравненно иногда полезнее их для целого»³.

Некрофилы ориентированы на прошлое, а не на будущее. Они любят не развитие, а застывшие политические и правовые формы, обосновывая свои позиции, как правило, большой приверженностью национальным и религиозным традициям. Для них свобода может быть только в цепях. Они выступают против общественного прогресса. Подобное отношение к общественной жизни в полной мере демонстрирует К.Н. Леонтьев: «Прогрессивные идеи грубы, просты и всякому доступны. Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достоянием немногих избранных умов. Люди высокого ума облагораживали их своими блестящими дарованиями; сами же идеи, по сущности своей, не только ошибочны, они, говорю я,

¹ Леонтьев К.Н. Достоевский о русском дворянстве / Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М., 1996. С. 439.

² Цит. по: Бердяев Н. Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной мысли / Собрание сочинений. Париж, 1926. Т. V. С. 320.

³ Там же. С. 321.

грубы и противны. Благоденствие земное – вздор и невозможность; царство равномерной и всеобщей человеческой правды на земле – вздор и даже обидная неправда, обида лучшим. Божественная истина Евангелия земной правды не обещала, свободы юридической не проповедовала, а только нравственную, духовную свободу, доступную и в цепях»¹.

Для некрофильно ориентированного субъекта существование – обладание, а не бытие. Его единственное отношение к ценностям – обладание ими. Угроза собственности некрофила является угрозой ему самому. При потере того, чем он владеет, он теряет связь с миром, поэтому предпочитает лишиться скорее жизни, чем своего имущества. Институт собственности им воспринимается однобоко, исходя из собственных эгоистических интересов. Если у некрофила низкий уровень материального положения, то для него справедливость означает «правильный» раздел собственности. В «Собачем сердце» М.А. Булгаков гротескно изобразил подобную личность в образе Шарикова, который, будучи недовольным своим имущественным положением, заявил профессору: «Взять все – да и поделить! ...А то что ж: один в семи комнатах расселся, штанов у него сорок пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет».

Основными факторами социализации человека являются отношения и ценности того общества, в котором он формируется как личность. Как правило, наибольшее влияние оказывает семья, являющаяся проводником этических, политических и правовых норм, внедряемых в сознание молодых людей. Некрофилия так же заразительна, как и биофилия. Для выбора некрофильного вектора развития человека необходимы соответствующие условия. К ним, прежде всего, следует отнести, во-первых, некрофильное окружение индивида в ходе его становления как личности; во-вторых, ограничение свободы человека путем нагнетания страха; в-третьих, механический порядок, делающий жизнь рутинной и неинтересной, лишенной всякого смысла. В подобных условиях рос К.Н. Леонтьев, который рассказывал о том, что у его матери был характер не ласковый и не нежный, а суровый, сердитый и вспыльчивый. Она любила уединение, тишину, чтение и строгий порядок в распределении времени и занятий. И он ей «неоплатно был обязан всем (уроками патриотизма и монархического чувства, примерами строгого порядка, постоянного труда и утонченного вкуса в ежедневной жизни)»². Отсутствие нежной материнской любви, строгий порядок, страх нарушить тишину были теми факторами, которые обусловили отношение Леонтьева к жизни.

По Фромму, некрофильно ориентированные индивиды бывают не только среди гитлеров и сталинов. Есть огромное количество людей, которые проявляют деструктивность в обыденной жизни, демонстрируя силу доминирования в своем характере некрофильной тенденции. Они и провоцируют, главным образом, «бытовые» преступления. В своей книге «Воспоминания, сновидения, размышления» К.Г. Юнг рассказывает об одной своей пациентке, которая совершила убийство – отравила свою лучшую подругу, потому что была влюблена в ее мужа³. Выйдя замуж за молодого вдовца, она казалось бы не волнуется из-за

¹ Там же. С. 322.

² Там же. С. 302.

³ См.: Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск, 2003.

своего преступления. Но муж вскоре умирает. С ней начинают происходить странные вещи. Дочь от этого брака оставила ее, едва повзрослев, исчезнув из поля зрения матери и утратив с ней всякий контакт. Она увлекается верховой ездой, которая поглощает ее полностью. И вот в какой-то момент обнаруживает, что лошади под ней начинают нервничать, даже ее любимец однажды сбросил ее. В итоге ей пришлось отказаться от верховой езды. Привязанность к собакам не принесла ей облегчения, поскольку вскоре умирает волкодав, которого она просто обожала. После последнего происшествия она, почувствовав, что «морально разбита» пришла к Юнгу. Психолог проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что она была не только убийцей, но и самоубийцей, потому что тот, кто совершает преступление, разрушает свою душу. По мнению Юнга, убийца судит себя сам, ведь когда преступление раскрыто, то преступник несет наказание согласно закону, но если преступление осталось тайной, и человек совершил его без нравственных колебаний, наказание все равно настигнет его, просто оно придет позже. Несмотря на то, что Юнг несколько мистифицировал ситуацию со своей пациенткой, тем не менее, он прав в главном: тот, кто совершает преступление, тот разрушает свою душу. Добавим, что это в первую очередь такие преступления, которые нарушают естественные права человека. У преступника, постоянно совершающего подобные правонарушения, некрофильная тенденция все более усиливается, а роль биофилии в его личностном развитии уменьшается. Деструктивность индивида направлена не только во вне, на протекающую мимо него жизнь, но и на его внутренний душевный мир, который все более разрушается.

Деструктивный нарциссизм является одной из особенностей некрофильного поведения. По мнению Фромма, становление человека, происходит как развитие от абсолютного нарциссизма к объективному мышлению и объективной любви. Но далеко не все люди проходят этот путь. Нарциссическое ядро присутствует в характере каждого человека. Но только у психологически зрелого индивида уровень нарциссизма в пределах социальной нормы, что помогает ему вести себя адекватно сложившейся общественной ситуации. Если же у человека показатель этого уровня «зашкаливает», то подлинный интерес проявляется у него только к себе – любимому, и отсутствует по отношению к остальным. Экстремальный нарциссизм делает человека равнодушным к окружающим, его общественное поведение становится асоциальным. Действия данного субъекта по отношению и к себе, и к окружающим будет деструктивным, нарушающим моральные и правовые нормы. Чем интенсивнее нарциссизм, тем деструктивнее поведение субъекта в политической и правовой жизни.

Люди с девиантным поведением являются в своей массе патологическими нарциссами. В своей книге «Записки из Мертвого дома», в которой отражены впечатления автора от увиденного во время пребывания в Омском остроге, Ф.М. Достоевский с некоторой долей удивления пишет о том, что каторжане не испытывали никакого чувства вины или стыда за свои злодеяния. «В продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении и ...большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми. Это факт. ...преступник, восставший на общество, ненавидит его и почти всегда считает себя правым, а его виноватым...

Вряд ли хоть один из них сознавался внутренне в своей незаконности. Попробуй кто не из каторжных упрекнуть арестанта в его преступлении, – выбранный его – ругательствам не будет конца»¹. Более того, Достоевский отмечает, что социальный статус каторжанина, наводивший испуг на окружающих, вызывал у них даже чувство гордости «точно в самом деле звание каторжного составляло какой-нибудь чин, да еще почетный. Ни признаков стыда и раскаяния!». Каторжане демонстрировали экстремальный нарциссизм, который представлял угрозу для их же жизни, поскольку тот не совместим с социальным сотрудничеством. Поэтому и отношения в остроге были ужасные: «Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывные: это был ад, тьма кромешная»².

Эволюция индивидуального нарциссизма сходна с развитием общественного нарциссизма. Когда последний достигает в своем развитии патологического уровня, то его субъекты теряют способность к объективному и разумному суждению. Ярким примером общественного нарциссизма является военная акция США в Ираке, прикрываемая лозунгами о свободе и демократии. Американский народ поддержал ее на начальном этапе проведения, но его общее отрезвление началось после военных потерь, понесенных американской армией. Американское правительство было не в состоянии понять в силу своего патологического нарциссизма любые разумные доводы против оккупации Ирака и нарушения США норм международного права. Свою роль здесь сыграла и нефть. Трудно не согласиться с А. Камю, который с горечью писал: «Сама оклеветанная их сегодняшних ценностей – это, несомненно, свобода... потому, что в течение ста последних лет общество торгашей нашло для свободы исключительное и одностороннее применение, считая ее скорее правом, чем долгом, и не боясь как можно чаще превращать принцип свободы в орудие угнетения»³.

Кроме нарциссизма, негативным фактором, способствующим деструктивному ориентированию индивида являются социальные отношения, имеющие симбиозно-инцестуальную природу. С точки зрения Фромма, инцестуальные желания являются прежде всего не результатом сексуальных устремлений, а представляют собой одну из фундаментальных тенденций в человеке: желание быть привязанным к тому, из чего человек вышел, боязнь стать свободным и страх быть уничтоженным теми силами, которым индивид беспомощно предоставил себя, отказавшись от всякой независимости. Симбиозно-инцестуальные связи индивида, так же как и нарциссизм, приводят к потере разумности и объективности в суждениях. Только субъективность мышления человека не так заметна, когда объектом его инцестуального влечения становится род, нация, общественно-политическая группировка, религиозная организация, футбольная команда и т.п. Инцестуальное влечение к монархии было у Леонтьева, что привело его к предвзятому и искаженному мнению по отношению к политическим правам и свободам человека. Свое отношение он считал правильным и справедливым, поскольку оно разделялось

¹ Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. М., 1984. С. 13-14.

² Там же. С. 12.

³ Камю А. Доклад, прочитанный 14 декабря 1957 г. / Бунтующий человек. М., 1990. С. 365.

всеми людьми, испытывающими такую же привязанность к самодержавию. Такое влечение людей к своим идолам часто признается ими за главную добродетель.

Патологический нарциссизм и регрессивные симбиозно-инцестуальные связи, составляют социально-психологическую основу деятельности ультранационалистических группировок, для которых идолом является их вождь, якобы защищающий нацию, интересы которой понимаются превратно в силу потери здравомыслия. Данные группировки совершают преступные действия против представителей других этносов с искренней верой в правоту своих деяний, будучи при этом убежденными, что тем самым защищают и спасают свою Родину-Мать. В силу потери здравомыслия они становятся легкой добычей различных политических манипуляторов.

Любая крупная криминальная группировка также держится на симбиозно-инцестуальных связях, которые ее лидер стремится всячески укреплять. С помощью постоянной демонстрации своих «выдающихся» способностей уголовный «авторитет» превращается постепенно в своеобразного идола, требующего поклонения и беспрекословного подчинения. Из таких групп сложно выйти, поскольку ее члены будут воспринимать это как предательство и предпримут все усилия, чтобы «справедливо» покарать отступника.

Некрофильное ориентирование человека находится в конфликте с противоположной тенденцией, так что может возникнуть своеобразный баланс. Большинство людей имеют предрасположенность как к Эросу, так и Танатосу. Они постоянно колеблются между своими влечениями. По Фрейд, их жизнь представляет собой поле битвы между эротическими инстинктами, которые все больше и больше хотят сплотить живую материю в единое целое и инстинктом смерти, который противостоит этому стремлению, т.е. пытается ликвидировать то, что создает Эрос. Соотношение этих предрасположенностей варьируется от субъекта к субъекту. Судьба человека находится в прямой зависимости от социокультурных условий, в которых происходит формирование этих предрасположенностей. Фромм считал, что у индивида, в котором в качестве доминанты поведения выступает некрофилия, будут постепенно исчезать биофильные свойства, но он сам не может ясно осознавать этот негативный процесс. Некрофил объясняет собственную деструктивность «правильной» реакцией на тяжелые жизненные условия. Человек же, у которого доминирует биофилия, всегда замечает в себе деструктивные тенденции и стремится их нейтрализовать.

Социализированные и культивированные некрофилы составляют социально-психологическую базу бюрократии, не социализированные – криминальных сообществ. Когда эти две «ветви» объединяются, то в результате образуется мафия, разъедающая общественный организм как раковая опухоль.

Для индивида важнейшим условием развития биофилии является его постоянное и тесное общение с людьми, которые любят жизнь. Любовь к жизни передается не столько с помощью слов, объяснений и проповедей, а главным образом благодаря особой социально-психологической атмосфере, характеризующейся специфическими условиями. По Фромму, к ним относятся: во-первых, теплые, преисполненные любви и доброты контакты в период становления личности; во-вторых, свобода действий в разумных границах и отсутствие угроз; в-третьих,

достижение внутренней гармонии и силы; в-четвертых, введение в «искусство жизни» с помощью живых социальных связей с другими людьми; в-пятых, обустройство своей жизни, определяемое подлинными интересами¹.

Ярко выраженным биофилом был Л.Н. Толстой, чье личностное ориентирование было детерминировано теплой психологической атмосферой, в которой проходили его детские и юношеские годы. Он никогда не мог ни писать, ни говорить о своем детстве без чувства глубокого умиления. В восторженных выражениях вспоминает русский писатель свои детские годы: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений»².

Родители Толстого отличались добрым нравом, любили жизнь и были счастливы. В архиве его матери сохранилась тетрадь с ее рассуждениями, из которой можно составить представление о биофильном характере мыслей и чувств, занимавших ее. В своем маленьком трактате «О мягкости» М.Н. Толстая писала: «Мягкость, будь она воспитанная или естественная, но связанная в то же время с разумом, с чувствами и добродетелями прекрасной души, делает нас внимательными и предупредительными в общественной жизни, сообщает нам сердечный тон, привлекающий к нам тех, с кем мы живем, она внушает нам добродетель, доброту, чувствительность, благодарность и любовь к человечеству»³. Интересны ее рассуждения о такой добродетели как «деликатность», проявления которой очень разнообразны и неуловимы. К ним она относит и самопожертвование, и внимание к несчастным, и прощение обид, и оплата за них благодеянием, и верность, и многое другое. Отец Толстого так же, как и его мать, был биофильно ориентированным человеком. Сам Лев Николаевич Толстой вспоминал, как, будучи ребенком, иногда, прощаясь с отцом и восхищаясь его добротой, он «с особой нежностью» целовал «его белую жилистую руку»; как он бывал «умиленно счастлив», когда отец ласкал его.

Практически все близкое окружение Толстого в его детские годы проявляло к нему чистую и бескорыстную любовь, граничащую с самопожертвованием. Поэтому он рос веселым и жизнерадостным ребенком. «Невинную веселость» считал Толстой одной из характернейших особенностей своего детства. При таких условиях взросления, когда вся жизнь ребенка была обустроена в его интересах, и ему в разумных границах давалась свобода действий без постоянных угроз наказания, когда он был субъектом живых социальных связей и получал все для достижения гармонии и силы, Толстой не мог не стать личностью, чьей доминантой в характере является любовь к жизни.

Сущность любого биофила – любовь к жизни и стремление победить смерть. Это проявляется в его продуктивном развитии. Для него лучше творить что-либо новое, чем что-то сохранять. Он имеет свою этику, которая зиждется на принципе: «Добро – все то, что служит жизни; зло – все то, что служит смерти». Биофилы стремятся к развитию в первую очередь чувств и мышления. Они придерживаются положения,

¹ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 39.

² Цит. по: Гусейнов Н.Н. Л.Н. Толстой. М., 1954. С. 63.

³ Там же. С. 52.

что скорбь – это грех, а радость – это добро, что целью человеческой жизни является стремление к живому и отмежевание от всего мертвого и механического. Отношение к жизни у биофилов функциональное, для них перипетии жизненного процесса важнее, чем устойчивость. Мировосприятие у них целостное, благодаря этому они хорошо видят и чувствуют связи, лежащие в основе развивающихся природных или социальных систем, на которые они стремятся позитивно влиять с помощью любви и разума.

Любовь к жизни лежит в основе естественного права. Поэтому биофилы четко и ясно осознают естественные права человека и нелегко признают те, которые таковыми не являются, поскольку плохо понимают основания их принятия. Если они приходят к выводу, что действующие правовые нормативные акты общественному прогрессу, то они их легко отвергают, тем самым, пополняя ряды нигилистов. Для них является более важным дух закона, а не его буква. Они являются активными противниками смертной казни и выступают за смягчение тяжести уголовных наказаний. Естественные права человека должно, по их мнению, являться краеугольным камнем любой правовой системы.

Л.Н. Толстой является, пожалуй, наиболее ярким и выдающимся правовым нигилистом, которым стал из-за своей всепоглощающей любви к человеку. Его правовой нигилизм отличается в принципе от нигилизма К.Н. Леонтьева, поскольку происходит из любви к человеку и жизни, а не к застывшей в своем развитии политической форме власти, ставшей преградой политическому и правовому прогрессу. Если Толстой отрицает антигуманные правовые отношения во имя естественных прав человека, то Леонтьев отрицает сами естественные права человека во имя монархического порядка, ставя царскую власть выше любого закона. В своем «Письме студенту о праве» Толстой с возмущением отвечал на обвинения в незнании им природы этики и права, высказанные Л.И. Петражицким: «...вся эта удивительная так называемая наука о праве, в сущности величайшая чепуха, придумана и распространяема не с легким сердцем, как говорят французы, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий. Серьезная сторона этого дела еще и в том, что ни на чем нельзя с большей очевидностью увидеть ту низкую степень истинного просвещения людей нашего времени, как на том удивительном явлении, что собрание таких самых запутанных, неясных рассуждений, выражаемых выдуманными, ничего не значащими, смешными словами, признается в нашем мире «наукой» и серьезно преподается в университетах и в академиях»¹.

Для русского писателя важен здравый смысл в оценке права как феномена социальной жизни, а не атрибутивно-императивные переживания, на которые опирался Петражицкий. Для Толстого совершенно понятно, что под словом «право» скрывается только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими. Он резко осуждает действующие законы, которые, по его мнению, создаются людьми (императорами или членами парламента), живущие насилиями и потому защищающие эти насилия устанавливаемыми ими законами. Эти люди приводят эти законы в исполнение до тех пор, пока те им выгодны, когда

¹ Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве / ПСС. М., 1956. Т. 38. С. 230.

же они становятся невыгодны, то насильники придумывают новые, такие, какие им необходимы. При этом Толстой поражается дерзости, глупости и пренебрежением к здравому смыслу, с которыми ученые-правоведы самоуверенно утверждают, что тот самый обман, который более всего другого развращает людей, нравственно воспитывает их. Ведь это можно было утверждать с грехом пополам, когда происхождение «права» признавалось божественным. Но теперь, когда право выражается в законах, придумываемых отдельными людьми или партиями парламентов, уже невозможно признавать их абсолютно справедливыми и говорить о воспитательном значении «права». Говорить же о его воспитательном значении нельзя уже потому, что законы приводятся в исполнение насильями, ссылками, тюрьмами, казнями, т.е. поступками самыми безнравственными. По Толстому, утверждать теперь об этическом, воспитательном значении «права» все равно, что говорить об этическом воспитательном значении для рабов власти рабовладельцев. «Мы теперь в России с полной очевидностью видим это воспитательное значение «права». Видим, как на наших глазах развращается народ, благодаря тем не переставшим преступлениям, которые – вероятно, оправдываемые «правом» – совершаются русскими властями. Развращающее влияние деятельности, основанной на «праве», особенно резко заметно теперь в России, но то же самое всегда и везде есть, было и будет, где есть, – а оно везде есть – признание законности всякого рода насилий, включающих и убийство, основанных на «праве»¹. Пожалуй, здесь следует согласиться с мнением Н.В. Устрялова, высказанным им в статье «Проблема прогресса»: философ Толстой велик своей вдохновенной узостью, гипертрофированной совестью, бесстрашной слепотой морального максималиста, зачарованного отвлеченным совершенством.

Как видим, в качестве субъекта правового нигилизма может выступать как биофил, так и некрофил. Но если первый отрицает нормы позитивного права во имя жизни, чьи основы фиксируются в естественном праве, то второй – отрицает естественные права и свободы человека во имя Танатоса, легко нарушая те юридические установки, которые ограничивают его некрофильное поведение.

Биофилы составляют социально-психологическую базу либеральных общественно-политических движений. Из-за своего пламенного радикализма они могут представлять опасность для функционирования вполне дееспособных политических и правовых институтов. В своих крайних формах они парадоксальным образом сближаются с некрофилами. Так, ярко выраженный биофил В.Г. Белинский (за пылкий темперамент современники называли его «Неистовый Виссарион»), писал своему другу: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную»².

Психогенные факторы являются важными составляющими матрицы политического и правового поведения человека, который для разрешения конфликтных социальных ситуаций использует сочетания различных вариативных форм их взаимодействия и противоборства, выбирая наиболее подходящие для себя.

¹ Там же.

² Цит. по: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 77.

Для успешного развития общества требуются оптимальное сочетание как некрофильной, так и биофильной ориентации его граждан, при обязательном доминировании последней. Социализированное и культивированное некрофильное ориентирование обеспечивает социальную базу центростремительной силе, скрепляющей общество и не позволяющей ему распасться, тем самым, оно служит биофильной тенденции, которая не терпит косных общественных форм, мешающих прогрессу человека.